

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 51 (3862)

Вторник, 29 апреля 1958 г.

Цена 40 коп.

Сегодня в Москву по приглашению Президиума Верховного Совета СССР прибывает Президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер.

Президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер

Памятники культуры и искусства народов Объединенной Арабской Республики

ВЫСТАВКА В МУЗЕЕ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

В ЧЕРА в Государственном музее имени А. С. Пушкина открылась выставка «Памятники культуры и искусства народов Объединенной Арабской Республики». Экспонаты, представленные в четырех залах музея, характеризуют различные этапы развития искусства Египта и Сирии с древнейших времен и до наших дней. Значительное место отведено ценному изобразительному искусству древнего Египта: статуи, статуэтки, папирусы, художественные изделия из дерева, фаянса, металла. Большой интерес представляет зал, в котором размещена всемирно известная коллекция фаянсовых портретов, написанных техникой восковых красок, и собрание коптских тканей.

Специальный отдел выставки характеризует развитие культурных связей между Арабским Востоком и Россией. Внимание посетителей привлекают описания путешествий купца Трифона Коробейникова в Египет и Сирию в 80-х годах XVII века и купца Василия Гатара в 30-х годах XVII века. Здесь же экспонируются описания путешествия Антонио Маркони в Сирию в начале XVII века. Значительный интерес представляют сирийские вазочки из стекла (IX—XIV вв.), найденные в прошлом году на Северном Кавказе и свидетельствующие о столь ранних связях между Россией и Сирией. Среди экспонатов — этюды В. Поллонова, картины К. Маковского и М. Сарьяна, образцы современной живописи сирийских и египетских художников.

Выставку открыл министр культуры СССР Н. Михайлов. Чрезвычайный и полномочный посол Объединенной Арабской Республики М. А. Эль Куни горячо поблагодарил Министерство культуры СССР и работников музея имени А. С. Пушкина за создание выставки, за постоянное дружеское внимание к искусству и культуре арабских народов.

Гости из Японии

Сегодня, 29 апреля, в Москву, по приглашению Союза писателей СССР, прибывают видные японские литераторы — Томоэ Абе, Дзюн Такаки, Сукити Аоно. Томоэ Абе — один из наиболее известных писателей современной Японии, член руководства литературной ассоциации «Бунгайка кейкай». Абе начал литературную деятельность в конце 20-х годов. Первый успех принесла писателю новелла «Матч Германия — Япония». Затем публикуются его романы «Дом, где обитает зима» (1936 г.), «Зима» (1939 г.), новеллы «Счастье», «Улики», «Свет и тень». В последние годы Абе написал повесть «Мрачная тень» и другие произведения, в которых автор рисует трагические последствия войны.

Писатель Дзюн Такаки, один из руководителей японского отделения Пенклуба, пользуется широкой известностью у читателей. Большую популярность завоевали его романы «Прощайте, старые друзья!», «Под какими звездами?», «Здесь, в глубине моей груди...». Большой интерес представляет послеполитический роман Такаки «Бог войны».

Критик и публицист Сукити Аоно — председатель литературной секции «Бунгайка кейкай», член Японской академии изящных искусств.

Вручение международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» общественному деятелю Франции писателю Луи Арагону

Мир и труд

Мир и труд — на виду у всех. И даже буржуазная пресса, государственные мужи все чаще признают, что проигрывают в соревновании идей. И не только идей. Экономические успехи нашей Родины все более тревожат их, ибо усматривают «притягательную силу коммунизма».

Капиталистические монополии есть все основания беспокоиться! В то время как мир социализма уверенно набирает темпы, США вступили в полосу экономического кризиса. Там кривая падает вниз, там по дорогам бродят миллионы безработных.

Да, у них есть все основания беспокоиться. Время работает на нас, на социализм. Редактор оттавской газеты «Джорнал» Норман Смит пессимистически признает, что обстоятельства складываются против Запада, поскольку процессам истории «дьявольски энергично и действительно помогают силы коммунизма».

Но это-то как раз и не устраивает их. Попирая элементарнейшие нормы человеческой морали, они делают все для того, чтобы держать народы на «границы войны».

Нет, казалось бы, таких провокационных приемов, к которым не прибегали бы недруги мира. И, может, именно в те самые часы, когда под сводами Московской консерватории звучали чистые аккорды Первого концерта Чайковского, когда американский юноша Ван Клиберна зарывал обвинения своего огромного таланта в московской, арктической тишине содрогнувшись от завывания моторов, и легла на лед черные тени заокеанских атомных бомбардировщиков, летящих в сторону наших рубежей.

Когда мы запустили первый свой спутник Земли, то снова — в который раз! — призвали Запад: «Давайте соревноваться! Соревноваться за создание новых благ людям, за то, чтобы лучшие умы науки не меч вояли, а расширяли познания человека».

И за океаном стали соревноваться. Мы подсчитывали, сколько миллионов километров проделала уже на далекой орбите «маленькая советская луна», а они прикидывали в это время на счетах, сколько миллионов, нет, не миллионов, а миллиардов еще урвать у налогоплательщиков. Как изготовить побольше бомб, от которых могли бы рухнуть целые города.

Так же как река, преодолевающая все на своем пути, стремится к тому, чтобы уйти от тяжелого узла жить в постоянной тревоге за свой кров, за своих детей, за судьбы грядущих поколений. Мир одинаково мил и нужен матери на берегах Волги и на берегах Темзы, Гуадона и Дуная. И мы верим в доброе дело дружбы народов. Верим, что культурный обмен сближает государства. Когда с помостов Нью-Йорка танцоры Игоря Моисеева покоряют сердца американцев, когда в Лужниках мы приветствуем американских баскетболистов, — разве эти встречи на дорогах дружбы не радуют каждого, кто любит жизнь! Обмен музыкантами и учеными, живописцами и поэтами, обмен духовными ценностями, созданными многими поколениями, — это путь к лучшему взаимопониманию.

Кто может возражать против триумфа скрипки над ракетой!

Нет, хоть и запоздала в нынешний Первомай весна, но солнце все чаще, все осязательней пригревает землю. Май идет. И мы от всего сердца провозглашаем:

— Да здравствует 1 Мая — день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран!

В. КИСЕЛЕВ

28 апреля в Кремле состоялось вручение международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» видному общественному деятелю Франции и борцу за мир, писателю Луи Арагону. В Свердловском зале собрались представители широкой советской общественности, деятели культуры и искусства, писатели, поэты, представители предприятий столицы.

В президиум заняли места Председатель Комитета по международной Ленинской премии академик Д. В. Скобелев, лауреат международной Ленинской премии Луи Арагон и его супруга, французская писательница Элиза Триоле, Председатель международной Федерации демократических женщин Женни Боттон, Председатель Советского Комитета записки мира Н. С. Тихонов и другие видные советские общественные деятели.

Академик Д. В. Скобелев в своей речи подчеркнул, что присуждение международной Ленинской премии Луи Арагону — это знаменательное событие не

только для борцов за мир и прогрессивных писателей Франции, но и для всей мировой культуры, всех сторонников мира, для всех, кто ведет борьбу за мир, за светлое будущее человечества. Характерная общественная деятельность Луи Арагона, академик Скобелев говорит, что она неотделима от его творчества.

В лице лауреата, продолжает академик Скобелев, мы высоко оцениваем заслуги славного французского народа, внесшего большой вклад в дело укрепления мира. Народ Франции, как и все народы мира, не хочет, чтобы человечеству угрожала атомная война. Широкие круги общественности Франции единодушно требуют запрещения ядерного оружия. Народ Франции борется против превращения своей страны в американскую военную базу, за установление и укрепление дружбы с другими народами, в частности с советским народом, с которым его связывает долготелая традиционная дружба.

Затем на русском и французском языках оглашается постановление Комитета по международной Ленинской премии о присуждении премии Луи Арагону.

Академик Д. В. Скобелев под горячие аплодисменты присутствующих вручает Луи Арагону золотую медаль и диплом лауреата международной Ленинской премии.

С приветственной речью к лауреату обращается от имени Советского Комитета записки мира Н. С. Тихонов, от советских писателей — секретарь правления Союза писателей СССР А. А. Сурков, от Союза советских обществ дружбы и международной связи с зарубежными странами — председатель Президиума этого союза Н. В. Попова. Технологом цеха Московского завода «Компрессор» Е. П. Лохмотова передала Луи Арагону сердечный привет от коллектива своего предприятия.

Затем с речью выступил Луи Арагон. Вот почему совсем безразлично, какую позицию занять в основных вопросах искусства и литературы, и почему это не только дело художников и писателей, но и всех людей вообще. Вот почему даже писатели, отрицающие точку зрения социализма в этой области, не могут уже сегодня защищать теорию искусства для искусства.

Далее Луи Арагон отмечает, что вопрос о роли писателя в современной жизни тесно связан с его позицией по отношению к социалистическому реализму. Реалистический подход к искусству и литературе выдвинул не в нынешнем веке, говорит Арагон. Он был присущ и ищущему человеку, рисовавшему на стенах своих жилищ бизонов и зубров, которыми мы до сих пор не перестаем восхищаться, и дальше, через Мольера, он дошел до нас. Однако ныне мы привыкли к тем временам, когда простой объяснение мира не удовлетворяет человека, когда человек уже начал переделывать мир, и поэтому перед искусством нашего времени возникло вполне естественное требование оказаться в диапазоне этого основного решения, и его реализм перестал быть чисто описательным, он вступил в бой за переделку мира.

Это и называется социалистическим реализмом, и все методы, которые ему активно противопоставляются, как бы хитро они ни были построены, — отстаивают ли они реализм против социализма или социализм против реализма, — будут обязательно реакционными.

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

той системы, в которой война считается выходом из положения, а эксплуатация человека человеком — повседневным «дыханием».

Затем Луи Арагон говорит о том, что может предпринять писатель сегодняшнего дня для предотвращения угрозы войны. Он отмечает, что мирное сосуществование различных социальных систем не может обойтись без писателя. Писатель говорит, что роль писателя состоит в том, чтобы стоять выше подобно «лозунгу», причем выражение «лозунг» употребляется как нечто отрицательное! Для людей существуют какие-то вечные истины, это не лозунги, а самый воздух, необходимый для жизни. Работать на благо мирного сосуществования различных социальных систем — олимпийская задача, которой можно гордиться больше, чем любым разлагающимся искусством.

Со своей стороны, я, французский писатель, посвятил немалую часть своей жизни, своего времени и трудов тому, чтобы познакомить мою страну с советской литературой.

Да будет мне дано в будущем, продолжает Арагон, еще больше, чем в прошлом, помочь тому, чтобы во Франции и везде в мире, где еще говорят и читают по-французски, лучше узнали страну Советов, ее народы, любовь к которым не уместится в самом обширном сердце, полное познания безмерные жертвы, принесенные здесь во имя будущего, во имя уже реального социализма; помочь тому, чтобы люди моей страны больше не могли верить в навязываемую им ложь, как они перестают в нее верить, когда смотрят фильмы Эйзенштейна или слушают Обтраха или Гильельса, исполняющих произведения Прокофьева или Шостаковича! Чтобы над ложью и острями штыков, над атомными батареями и над ракетными установками прозвучало слово и песнь советского человека — в ответ на песнь, идущую от глубин Франции! — и нет на свете ничего более несомненного, чем такая песнь и грохот смерти!

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Тепло поблагодарив членов Комитета по международной Ленинской премии за высокую честь, оказанную ему присуждением премии «За укрепление мира между народами», Луи Арагон говорит:

Мне кажется, что Комитет по международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», присуждая мне эту премию, хотел прежде всего показать необоснованность довольно распространенного взгляда о легковесности профессии писателя, о его второстепенной роли в делах человеческих, о его бессилии в борьбе против великих зол человечества. Я думаю, что, присуждая эту премию французскому писателю, Комитет хотел отметить также особое место, занимаемое писателем в борьбе, которую ведет подавляющее большинство людей нашего времени; и место, занимаемое не просто писателем, а писателем, пишущим на французском языке, то есть Франции, среди народа, поставленного географией и историей на стыке мира, там, где уже столько раз идеи, общие для идущего вперед человечества, становились материальной силой, воплощаясь в живые массы, и где любой прорыв, который может случиться завтра, сейчас, будет иметь последствия огромного значения и не только для этого народа, но и для всех других народов.

В настоящее время, хотим мы того или нет, говорит далее Луи Арагон, принципиальные дискуссии по вопросам искусства и литературы неотделимы и не могут быть отделены от важнейших вопросов, волнующих сейчас человечество, от защиты культуры вообще, и просто от защиты мира. Внести ясность в этот вопрос — это значит помочь взаимопониманию и сближению народов, это значит сражаться за мир. Надо понять, что аудитория, к которой обращается писатель XX века, не имеет ничего общего с аудиторией вчерашнего дня, когда 20 километров в час считалось скоростью чудовищной. Поэтому престиж, который пользуется писатель, может послужить как делу мира, так и делу войны, и не в прежнем малом масштабе, а в большом, человеческом масштабе.

Речь Луи Арагона

Вот почему совсем безразлично, какую позицию занять в основных вопросах искусства и литературы, и почему это не только дело художников и писателей, но и всех людей вообще. Вот почему даже писатели, отрицающие точку зрения социализма в этой области, не могут уже сегодня защищать теорию искусства для искусства.

Далее Луи Арагон отмечает, что вопрос о роли писателя в современной жизни тесно связан с его позицией по отношению к социалистическому реализму. Реалистический подход к искусству и литературе выдвинул не в нынешнем веке, говорит Арагон. Он был присущ и ищущему человеку, рисовавшему на стенах своих жилищ бизонов и зубров, которыми мы до сих пор не перестаем восхищаться, и дальше, через Мольера, он дошел до нас. Однако ныне мы привыкли к тем временам, когда простой объяснение мира не удовлетворяет человека, когда человек уже начал переделывать мир, и поэтому перед искусством нашего времени возникло вполне естественное требование оказаться в диапазоне этого основного решения, и его реализм перестал быть чисто описательным, он вступил в бой за переделку мира.

Это и называется социалистическим реализмом, и все методы, которые ему активно противопоставляются, как бы хитро они ни были построены, — отстаивают ли они реализм против социализма или социализм против реализма, — будут обязательно реакционными.

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Всякий отказ от реализма в историческом смысле этого слова является предательством по отношению к историческому развитию, но по этой же причине реализм не может рассматриваться вне истории: реализм отражает определенную эпоху и определенное общество. Пытаться сегодня под именем реализма развивать искусство, лишное света социализма, значит отрицать этот свет, отрицать социализм как новый этап в истории человечества. И следствием этого может быть только союз художника (даже помимо его воли) с теми, кто сражается против социализма, следствием этого может быть только предпочтение

Торжества на Украине

В ПРЯМАЙСКИЕ ДНИ в столице Советской Украины состоялось большое торжество — вручение ордена Ленина Киевской области за успехи в развитии сельского хозяйства. Орден Ленина труженикам сельского хозяйства области вручил Никита Сергеевич Хрущев.

Высокая эта награда завоевана упорными трудами. Ныне уже десять областей УССР награждены орденом Ленина.

Звеньевая колхоза имени Ильича, Васильковской района, О. К. Диплан, дважды Герой Социалистического Труда, поблагодарила Коммунистическую партию и Советское правительство за заботу о тружениках сельского хозяйства.

Обращаясь к Н. С. Хрущеву, председатель колхоза имени Ленина, Димерского района, И. Ф. Тесленко сказал:

— В одной из своих речей вы, дорогой Никита Сергеевич, сказали, что награждают не только за уже достигнутые успехи, но и авансом за будущие победы. Позвольте заверить вас и в вашем лице Ленинский Центральный Комитет Коммунистической партии, что мы будем работать еще настойчивее, добьемся новых успехов и побед...

Потомки тех, кто когда-то, до революции, вынужден был каждой весной идти на заработки в поисках

куска хлеба, вы ныне стали подлинными хозяевами своего счастья. Вы трудитесь на обновленной земле. Ваш свободный труд достоин того, чтобы был веселым в песне и отображенным в самых лучших художественных полотнах, — сказал, обращаясь к колхозникам, Олесь Гончар.

С огромным вниманием участники торжественного заседания выслушали речь Н. С. Хрущева, неоднократно прерывавшуюся бурными аплодисментами.

Затем участники заседания отправились на митинг на площадь Богдана Хмельницкого, где собралось более 100 тысяч человек. Первый секретарь ЦК КП Украины Н. В. Подгорный, выражая общие чувства собравшихся, поблагодарил Коммунистическую партию и Советское правительство от имени всего украинского народа за высокие награды.

Один за другим поднимаются на трибуну работники сельского хозяйства, представители промышленности столицы республики. И в каждом выступлении — новые высокие обязательства.

Никита Сергеевич Хрущев тепло поздравил трудящихся области с высокой наградой.

В. КИСЕЛЕВ

НА ВОЛГЕ

НЕОБЫЧНО мягкая зима в Поволжье, наверное, каждого заставила строить свои, домашние, прогнозы, догадки о весенней погоде. Ударивший в марте мороз сопровождался вздохами: мороз, теперь весна затянется; с озимыми не приключится беда; и когда же брат отпуск, будет ли в июле тепло?

Но весна взяла свое. Пришла она на Волгу и стала заполнять поубавившееся за зиму Куйбышевское море: великая крупнейшая в мире гидроэлектростанция у горы Могутовой работает на полную мощь.

И море как будто дышит: весной глубокий вздох — основной набор воды, а затем медленный выдох в течение всего года. Дыхание моря особенно заметно под Казанью. За зиму вода постепенно ухнула из-под льда, сработавшая турбинами на далекой Самарской Луке. И лед под собственной тяжестью чашей опускаясь на обнаженный берег.

В эти весенние дни море поплываешь, наливаясь силой. А на берегах — преднавигационная горячка. Она захватила все. Бакенщики еще раз проверили уже давно готовые бакены, прикидывают, где нынче летом будет добычище рыбалка.

В городе нетерпеливые жители бросались в магазин: спортивная одежда — надо продумать каждую мелочь, а самое главное, выиграть время. По плану начальный порт предлагается с карандашом в руке рассчитать каждый шаг. Все больше и больше грузов прибывает для отправки. По железной дороге прибыли шпалы для Сталинграда. В колхозы нужно отправить соль, а не стройки — камень. Среди привычных адресов есть и новые — ремонтно-технических станций. Эти новые грузы — приметы весны 1958 года. Здесь и сельхозозы, стальные машины, и запасные части к ним, различные удобрения, химикаты и многое другое, что сейчас нужно село. Все грузы — срочные. Поэтому и с кранами нужно упрямиться ко времени. Тут же начальники порта предьявляют диспетчерам, начальникам причалов, электрикам жесткие требования — обеспечить фронт работ, не задерживая грузовые операции. С первых же дней нужно азать высокий темп работ.

В минувшую пятницу портовики услышали бас портового гудка — в Казанский порт вошел белоснежный трехпалубный пассажирский теплоход «Ильич». На следующий день теплоход ушел в обратный рейс в Горький. Навигация открылась.

— Хорошо, когда много влаги, но плохо, когда много льда! Не перенервничать целый месяц, когда даже тракторы начинают буксовать на полозе и трактористу приходится работать под холодным дождем. И все же нам удалось справиться с

В АУЛЕ БРЛИК

ЕСЛИ в эти дни вы спросите самых старших колхозников, как они провели зиму, вы услышите такую историю: «Вот, такую историю, такую историю, такую историю, такую историю...»

Все жалко, что весна наступит рано. Еще в первой половине февраля начался оттепель, солнце сияло над снегами полей почти во всем Южном и Центральном Казахстане. Колхозники готовились начать сев в первых числах марта. Но к концу февраля возобновились сильные снегопады и метели. Во многих местах земля покрылась почти полуметровым слоем снега. А с первых чисел апреля начался дождь. Реки вышли из берегов. Во многих местах разлились дороги. На несколько дней прервалось движение поездов через Иртыш, Аягуз и Сыр-Дарью... Дожди все шли и шли...

— Хорошо, когда много влаги, но плохо, когда много льда! Не перенервничать целый месяц, когда даже тракторы начинают буксовать на полозе и трактористу приходится работать под холодным дождем. И все же нам удалось справиться с

— Хорошо, когда много влаги, но плохо, когда много льда! Не перенервничать целый месяц, когда даже тракторы начинают буксовать на полозе и трактористу приходится работать под холодным дождем. И все же нам удалось справиться с

— Хорошо, когда много влаги, но плохо, когда много льда! Не перенервничать целый месяц, когда даже тракторы начинают буксовать на полозе и трактористу приходится работать под холодным дождем. И все же нам удалось справиться с

В АУЛЕ БРЛИК

ЕСЛИ в эти дни вы спросите самых старших колхозников, как они провели зиму, вы услышите такую историю: «Вот, такую историю, такую историю, такую историю, такую историю...»

Все жалко, что весна наступит рано. Еще в первой половине февраля начался оттепель, солнце сияло над снегами полей почти во всем Южном и Центральном Казахстане. Колхозники готовились начать сев в первых числах марта. Но к концу февраля возобновились сильные снегопады и метели. Во многих местах земля покрылась почти полуметровым слоем снега. А с первых чисел апреля начался дождь. Реки вышли из берегов. Во многих местах разлились дороги. На несколько дней прервалось движение поездов через Иртыш, Аягуз и Сыр-Дарью... Дожди все шли и шли...

— Хорошо, когда много влаги, но плохо, когда много льда! Не перенервничать целый месяц, когда даже тракторы начинают буксовать на полозе и трактористу приходится работать под холодным дождем. И все же нам удалось справиться с

— Хорошо, когда много влаги, но плохо, когда много льда! Не перенервничать целый месяц, когда даже тракторы начинают буксовать на полозе и трактористу приходится

ДВЕ ПРОДИНЫ

Случилось так, что на свете
Две родины у меня.
Великим сердцем к обеим
Навек привязан я...

Эти стихи написаны рабочим автозавода имени Лихачева Юлио Матеу, испанцем по национальности. Он хорошо выразил чувства многих своих соотечественников, выросших в Советском Союзе.

Мы помним, как это случилось... Лет двадцать с лишним назад ранней июльской ночью в Ленинграде произошло волнующее событие, происшедшее в Ленинградском порту. На залив, все Ленинградские взрослые и дети, забыв о своих повседневных делах, хлынули сюда и заполнили огромную территорию. Кобычьи напруженные и шумной портовой жизни приключением какое-то особое оживление и привлекательность. Люди все прибывали, под красным знаменем пришли пионеры, духовой оркестр красnofлотцев остановился в ожидании, готовый каждую минуту разразиться маршем.

Пароход с необычными пассажирами подошел. Небольшой их путь прошел через много стран. И вот он — советский берег! Маленькие посланцы борющейся Испании высыпают на палубу, серьезные, торжественные. Смуглые кулачки взметнулись вверх привычным жестом республиканского приветствия. Черноголазых мальчуганов и девочек обнимали, целовали, несли в автобусах.

Незнакомые лица, непонятные слова, слезы, улыбки ошеломили ребят. Но у русских женщин были такие же теплые, ласковые руки, как у испанских матерей, и дети прижимались к ним доверчиво и робко.

То были годы, когда, раскрывая газету, мы прежде всего искали сводок с фронтов Испании. Далекая, она стала близкой. Многие мечтали попасть туда. Мне повезло. Несколько месяцев я провела в этой прекрасной стране. Это была не туристская поездка, когда памятники, пейзажи и люди мелькают с кинематографической быстротой. В те расклеванные борбой гни душа народа, гордая и мужественная, раскрывалась перед всеми, кто побывал там. И мы навсегда полюбили эту страну.

Два десятилетия миновало. Многие события потрясли мир, много произошло перемен. Но в Испании по-прежнему существует диктатура Франко, правда, подорванная, несколько видоизмененная, но все-таки существующая.

Все эти годы франксистская пропаганда кричала, что Советский Союз силой захватил и держит испанских детей. Эти дети тем временем росли и мужали, получали образование вместе с советскими молодежью. В нашей среде формировались их характеры, их мировоззрение... В годы войны те, кто постарше, с оружием в руках ушли защищать свою вторую родину от фашистского нашествия, а когда война кончилась, молодые испанцы вместе с советским народом участвовали в мирном строительстве.

Но никогда не забывали они землю, где родились, свой народ. Переписка с родителями, братьями, сестрами все эти годы не прекращалась. Родные знали дом, и некоторые испанцы, выросшие у нас, решили вернуться.

На советском теплоходе «Крым» прибыли они в родную страну. Их хорошо встречали. Родители плакали от счастья, увидев после двадцатилетней разлуки своих детей, ставших взрослыми. «Водопад слез лился повсюду», — так писала одна испанская газета. Официальная франксистская пресса вынуждена была признать, что вернулись отнюдь не дикари, а хорошо одетые, культурные люди. Умолчали газеты лишь о том, что у приехавших взяли отпечатки пальцев. — Это было первым ужасением, омрачившим свидание с родиной. Промелькнули первые радостные дни, пригубили новизна, наступили будни, а вместе с ними пришли нежданные открытия и печальные раздумья.

Предо мной письма, присланные из Испании. Сдержанные и взволнованные, вдумчивые и наивные, смелые и подчас трагические. По ним нельзя, разумеется, полностью составить представление об экономической, политической,

культурной жизни страны. Но в них много подлинных человеческих чувств. Люди пытаются разобраться, осмыслить, что с ними случилось, задумываются над жизнью, которая позади, над той, в которую они вступили.

Письма адресованы родственникам и знакомым. Я позволю себе, не называя имен, привести несколько выдержек из этих человеческих документов:

«Столкновение с действительностью поразило нас до глубины души. Если бы мы лучше знали нашу страну и ее обычаи, — удар, может быть, не был бы настолько болезненным. Только теперь мы отдаем себе отчет, как были близоруки, как многого не понимали...»

«Поговорим теперь о моих первых впечатлениях от Испании. Мы ее издически идеализировали. На самом деле: вежливости — нет. Любви к своей профессии — нет. Восемьчасового рабочего дня — нет! Работают здесь по десять часов, а если можно — то и больше. После трудового дня стремятся еще подработать, иначе трудно прожить...»

«Сколько раз, живя в Советском Союзе, молодые испанцы слышали о величии человеческого труда. Они пользовались, наравне с нами, самым насущным на всех человеческих прав — правом на труд. Их научили любить свою профессию. В новых условиях по-иному заучили привычки, обжитые с детства слова и понятия. И многое пришлось оценить заново. «Да, дорогой друг! Сколько мы потеряли прекрасного времени, какие возможности не использовали! Мы тоскуем об этом так, как раньше не тосковали по Испании», — звучит признание в одном из писем.

«Им, выросшим в других условиях, сразу бросились в глаза и дешезовина труда, и отсталость отечественной техники, и малотрагичность заводского персонала, а главное — приниженность простого труженика.

«За правду могут и выгнать...», «Матерские оборудованы плохо...», «Охрана труда никакой...», «Даже хорошей технической литературы здесь нет...»

Рабочие и инженеры, получившие образование в Советском Союзе, привлекают всеобщее внимание своей высокой квалификацией. Правда, не сразу им удалось побогот скептическое отношение.

«Первое время в наших способностях сильно сомневались, — пишет один рабочий, — но прошло дней пятнадцать, и они убедились, как мы умеем работать... Надо было видеть их изумление и восторг. Это было даже комично...»

Другой молодой специалист сообщает:

«Комиссар спросил меня, на самом ли деле все, предъявляемые дипломы, являются инженерными, техническими, врачами? Когда я ответил утвердительно, он заявил, что советских специалистов, очевидно, готовят наспех, кое-как. Я подробно рассказал ему о постановке высшего образования в Советском Союзе, о высоких требованиях, о государственных стипендиях. Это произвело на него впечатление, он развел руками и сказал: «Но что же мы будем делать со столькими дипломированными людьми?»

Куда девать людей с высшим образованием? Этот вопрос актуален сейчас в Испании. Вероятно, из этих соображений советские дипломы здесь не признаются. А когда повторными экзаменами приехавшие с успехом доказывают свое право на то или иное звание, это вовсе не означает, что они получат работу. Если сравнительно быстро удалось устроиться людям с технической профессией — испанская промышленность нуждается в знающих специалистах, — то гораздо хуже пришлось врачам, педагогам, художественной интеллигенции. Большинство из них вынуждено брать за первую попавшуюся работу. Известный певец, выступавший на советской эстраде, торгует игрушками. Преподававший в советском вузе художник, чьи произведения выставлены на всесоюзной выставке, вынужден провлекаться рекламными вывесками.

Есть в Мадриде на улице Гойя особняк. Сюда под предлогом трудоустройства вызывают репатрированных из

Советского Союза. Им задают до ста вопросов о жизни в Советской стране, большей частью провокационного характера. Особый интерес чиновников этого ведомства к нашей оборонной промышленности выдает в них агентов разведки. Так разрушается иллюзия заботы о человеке.

«...О моей жизни скажу вот что, — читаем в одном из писем. — Как и все женщины-специалисты, я до сих пор хожу без работы. Причина только в том, что я женщина. Я буду обращаться повсюду, и если мне откажут — пойду к губернатору...»

Франксистская пропаганда провозглашает торжественный лозунг: «Место женщины — у домашнего очага». Но не всегда греет этот очаг, и сотни труженицы стучатся у ворот фабрик, готовые на любую работу. А платят им гораздо меньше, чем мужчинам. Так, в текстильной, бумажной, керамической промышленности зарплата женщин составляет две трети мизерного заработка рабочего — мужчины.

Красота Испании воспева в старинных романах, немало возвышенных слов посвящает ей и сейчас официальная испанская поэзия. Но никому во франксистской Испании нет дела до рано удаляющихся работниц, до крестьянок — старух и тридцатилетних, с лицами, темными и потрескавшимися, как сухая кастильская земля...

По-разному сложились судьбы тех, кто вернулся в Испанию. Разумеется, не все столкнулись с нуждой, не все увидели изначальную капиталистическую жизнь. Но даже наиболее обесчеленные жалуются на порогонизму: по сравнению с другими странами в Испании едва ли не самый низкий уровень жизни. «За квартиру, комнату и кухню, плачу половину моего заработка, — пишет инженер. — О книгах не спрашивай, цены на них астрономические...»

«Астрономические цены на книги», «Книг молодежи почти не читает, они страшно дороги...», «Театр является роскошью, рабочему человеку он не по карману...», «Хлеб, футбол и быки — вот чем живут люди», «Сколько мы слышали о древней культуре Испании, мы были в этом уверены и не могли себе представить, что все выглядит совсем по-иному. Нам пришлось быть свидетелями неприглядных сцен распухлости...» — так характеризует в письмах духовная жизнь в стране Сервантеса и Лопе де Вега.

Проблема труда. Проблема отношения к женщине. Проблема культуры... Множество жгучих проблем встает перед приехавшими. Самый насущный — вопрос о детях. Как их воспитывать? Ведь все образование пропущено франксистской пропагандой и религиозным духом. Трудно с этим мириться тем, кто вырос у нас. Странно и дико давно женатым людям венчаться в церкви. Но без этого брака считается недействительным. Дети, появляющиеся в возрасте, пришлось крестить: нерешительные и незаконно рожденные — лишены прав, их даже в школу не принимают.

«Бедные наши дети, — с болью пишет мать, — какое громадное зло мы причинили им, привезя их сюда. Единственное, чему они научились, это молчаливости...» «Ты скажешь, что я рсую все в черном свете. Поверь: действительность намного превосходит то, что можно рассказать...»

Вернувшись домой многих молодых испанцев побудили смутные воспоминания о материнской ласке, желании обрести родных. Но и эта прекрасная и естественная мечта обернулась для многих мизером. Ужиться с родственниками оказалось очень трудно. После радостных встреч в семьях наметился разлад. Родственники навязывают приехавшим свой уклад жизни, свои бытовые, религиозные, имущественные предрассудки. «Мы здесь чувствуем себя большими иностранцами, чем в России».

Удивительно ли, что столкновения противоположных мировоззрений приводят их к разрыву.

«Здесь люди думают только о деньгах; кроме этого, ни ничто не интересует. Из-за этого они готовы перегрызть друг друга горло, убить отца, сына...» Горькое это письмо напомнило мне роман современного испанского писателя Луиса Ландинеса

«Дети Максима Худаса», опубликованный в прошлом году в журнале «Иностранная литература». Это предельно жуткая история из жизни современной испанской деревни. История о растоптанных человеческих чувствах, о грезных и кровавых преступлениях, вершимых во имя денег. Ради богатства, ради наследства люди женятся и выходят замуж, изменяют, разрушают семью, зверски убивают — «перегрызают друг друга горло»...

Художественное обобщение сгущает краски. В жизни бездушные силы буржуазного общества не всегда предстают в таком обнаженном виде. Но холод этого мира особенно ошутим для тех, кто познал другой образ жизни, у кого есть с чем сравнивать.

Судьбы людей многообразны повсюду. Жизнь сложна. Много еще не решенных задач и у нас, в Советской стране, немало недостатков еще не преодоленных. Но тот, кто вплотную прикоснулся к другому миру, взглянул на него не глазами туриста, увидел не показную, а настоящую жизнь, тот воочию убедился, как велика разница, как далеко вперед ушли советские люди не только в решении социальных и правовых проблем, но и в человеческих отношениях.

Да, они сравнивают. Сравнивают не только быт, не только уровень техники и систему народного просвещения. По понятным причинам большинство писем не затрагивает вопросов политического характера. Но о многом можно судить по намекам:

«Я говорил с военными: они во всем винят фашистов. Я говорил с фашистами: они всю вину за беды, которые переживает Испания, возлагают на военных. Мне приходилось беседовать и с преданными сторонниками североамериканцев, и с их злейшими противниками. Все сходится в одном...» Автор не уточняет, в чем именно. Но ведь и без того понятно: речь идет о существующем режиме.

«О настроениях простых людей можно судить по тому, как они относятся к приехавшим из Советской страны. «Одни нас встречают с изумлением, другие с любопытством, третьи с большой симпатией». Расспросив нет конца, и не удивительно, — ведь впервые за много лет здесь услышали правду о советских людях, узнали о том, что они хотят жить в мире и дружбе со всеми народами.

«Мало говорить на эти темы невозможность, — продолжает автор письма. — Мы слушаем с большим уважением и полным доверием».

Рассказывая другим о прожитых днях, они не раз сами мысленно возвращаются к недавнему прошлому.

«Как часто вспоминаем мы теперь годы, прожитые среди стольких хороших и честных людей. Мы здесь также отметили великую годовщину. И с Иренкой широко пережили этот праздник, что сейчас творится на московских улицах, в квартирах москвичей, это незабываемо...»

Воспоминания и сравнения заставляли полчас горько сожалеть об утраченном: «Почти все мы мечтаем громко и молниеносно, что приехали сюда, Увы, это так. Ах, я готов целовать там снег, слышны Манафо! Только теперь мы поняли, какую страшную ошибку совершили, но что же делать?»

Не все сумели вынести это испытание. Немало испанцев вернулось назад в Советский Союз. Мне довелось встретиться с некоторыми из них, и они дополнили те краткие сведения, которые попернула я из писем.

Не только плохое видели они у себя на родине. Было бы несправедливо умалчать о прогрессивных силах, которые сейчас крепнут в Испании, о сопротивлении рабочего класса и передовой интеллигенции франксистскому режиму, о все растущем недовольстве в широких, самых различных кругах населения.

Вот почему многие из репатрированных остались в Испании, они хотят жить со своим народом, разделить его судьбу, его борьбу, как бы это ни было тяжело. Пожелаем им счастья. Пусть все то хорошее, что попернула они у нас, послужит им надежным компасом в жизни.

СТИХИ РАБОЧИХ ПОЭТОВ

«Рабочие поэты Ленинграда» — так называется стихотворный сборник, подготовленный к изданию по инициативе комиссии по работе с молодыми авторами при ленинградской писательской организации. В нем будут напечатаны произведения рабочих, участников литературных объединений «Нарвская застава», «Московская застава», «Горное искусство» (грудные резервы), заводских литературных кружков. С творчеством многих из них Ленинградцы уже знакомы.

Секретариат Ленинградского отделения Союза писателей утвердил редколлегий сборника. В нее вошли В. Азаров, Н. Грудинин, И. Новоселов, В. Рождественский и В. Саянов.

Сборник выпускается Ленинградом. Выход его решено приурочить к Первому учредительному съезду Союза писателей Российской Федерации.

ЛЕНИНГРАД
(Наш корресп.)

В каюте праздника. Рисунок А. Пахомова

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

«Судорога душевной боли»

НЕСКОЛЬКО лет назад Ивановское областное издательство выпустило сборник литературно-критических статей Геннадия Горбунова «Литературное Иваново». Опасаясь, как бы писатели-земляки не захрипели, не увяли, не оказались литературными пустицветами, критик (он же директор издательства) отечественно указывал им в своем сборнике пути преодоления «творческого недомогания». «Литературное творчество», — писал он, — не терпит легковесности и небрежности». Через шесть лет критик решил подарить читателям родного края собственное произведение, повесть «Наши знакомые», которое могло бы служить наглядным примером приложения на практике высказанных им советов.

Автора повесть волнует, говоря словами поэта, битвы серьезнее Полтавы и любовь пограничное онегинское любви. Николай и Людмила полюбили друг друга еще в школе. Они собирались вместе поступить в текстильный институт, но в последний момент Николай «изменил». Он идет работать на фабрику, а Людмиле объясняет, что у него зародилась некая мечта. Девушка ничего толком не может узнать от любимого о его мечте. Наступает ночь. Людмила «потеряла само уравновешенность и в порыве оскорбленной гордости решила той ночью порвать с Николаем».

Проходит год. Случайно узнав из газет, что Николай ввез рационализаторское предложение, Людмила тут же садится за письмо. «Мне теперь ясно, какая у тебя была тайна, какая мечта». После обмена письмами они снова зачастили друг к другу, и вскоре товарищи без оснований стали считать их женихом и невестой.

Вновь обретая уравновешенность, «Людмила похорошела и пополнила, но не утратила своей стройности». Не успевают молодые люди прийти в себя от первой ссоры, как наступает новая разлука: Николая командуют в Чехословакию, Людмила, хотя и читает газеты, однако не может понять всей важности этого мероприятия. «Опыт у Людмилы от меня, — оборвала его Людмила. Она «ошущала чувство какой-то тягостной недоговоренности с любимым человеком».

Но ничто не в состоянии тронуть мужское сердце Николая, и Людмила остается

только одно: протянуть руки и выдохнуть: «не прощай, до свиданья, Коля!». Когда герои разделяются огромное расстояние и государственные границы, события приобретают зловещий характер. Людмила принимает ухаживания сослуживца Ковальского, «выливает и тапчет с ним», и в действительности вступает анонимка, посланная Николаю в Чехословакию.

«Не отдаваясь во власть чувства, он, однако, переживал душевное смутение... Спокойные черты его мужественного лица на короткий, почти неуловимый миг искажала судорога душевной боли». «Обычно ненавистный ко всяким слезам, он в этом случае тяжело переживал подробностям в письме горькую новост».

Неразрешимых противоречий полны откровения и у другой пары — Лизы Рогоушкиной и Ковальского. Узнав об измене супруга, Лиза «схватилась со скороряди в обе руки оставшие котлеты и, не дав опомниться Андрею Спиридоновичу, стала метко швырять в его лицо котлетами, приговаривая: на тебе за первую! На — за вторую! Это — за третью! Но котлет не хватало, и тогда она горестно заплакала и бросилась на него с кулаками».

Вас, читатель, конечно, интересует дальнейшая судьба героев книги «Наши знакомые?»

Не волнуйтесь! Все они, необыкновенно красивые, стройные, умные, с широким румянцем цвета анисового яблока, с пронзительными глазами, густыми стрелчатыми ресницами, не захрипели, не познав счастливых плодов молодости. На последней, 124-й странице повести Людмила и Николай находят, наконец, общий язык. Если верить автору, Людмила, хотя и тосковала в одиночестве, тем не менее осталась верна жениху. Николай, хотя и поверил на первых порах анонимке, но, узнав истину, покаялся и поведаль, наконец, любимой смысл своей мечты, столь долго и жестоко менашившей им соединиться. Это была мечта... усовершенствовать ткацкий станок.

Естественно, что такое замечательное в своем роде произведение привлекало внимание критики. В областных газетах не замедлили откликнуться рецензии на книгу земляка Жаль, однако, что рецензенты даже не замудрили об уровне элементарной грамотности Геннадия Горбунова.

Ил. ОКУНЕВ

Юрий НАГИВИН
В апрельском лесу
РАССКАЗ

В СЕРЕДИНЕ АПРЕЛЯ вступили и замутились ручьи, охватывающие с трех сторон наш подмосковный поселок, все канавы стали ручьями. Скоро пойдут шум на крокет, начнет нереститься плотва, затем окуни, — пора подумать о рыболовном сезоне. Я с детства люблю самодельные удильща. Взяв поострее повод, я направился в ореховую рощу, что за густым смешанным лесом на пути между нашим поселком и соседним селом.

Идти было трудно, резиновые сапоги то разваливались на влажной глинистой почве, то вязли в ней, как в трясине. Лишь достигнув леса, я обрел более или менее прочный упор под ногами.

Впереди меня, не касаясь друг друга, шли рядом молодой солдатик с мальчишески вздернутыми худенькими плечами и небольшого роста девушка в куцей пальто и беретке. Солдат держал в руке березовый хлыст и походка сбивала комья снега с еловых и сосновых ветвей. Девушка шла, опустив голову и что-то старательно высматривая на раскисшей дороге.

Не желая им мешать, я сдержал шаг. В лесу было голо, мокро, бесприютно и все же по-весеннему хорошо. Обнажившаяся по краям дороги сырая, темная дерновина кое-где зеленея совсем живым листом подорожника или стройной травинкой, сохранявшими под снегом летний, свежий убор. Синицы пробовали бедные свои голоса; они стремились перелетали с дерева на дерево, и нависшие над дорогой веточки берез и осин дружно качались, кропя слезающийся у их подножий снег тальными каплями. Как ни медленно я шел, идущая впереди пара шла еще медленнее, и вскоре я почти поравнялся с ними. Они остановились, видимо, желая пропустить меня вперед. Тогда я быстро прошел мимо них. Достаточное было количество взгляда, чтобы понять, что оба они чем-то огорчены. Светлые брови солдата недоуменно и горько выгнулись на повод, под самую ушанку, казалось, он никак не может решить сложную, врасплох заставшую его задачу; девушка, отворачивая от него лицо, прятала рот в меховой воротничок, что-то упрямое и беспомощное было в этом прищипываем движении.

Мне казалось, я хорошо знаю лес, который вдоль и поперек исходил на лыжах. В орешник

можно было по пасть не только с опушки, но и тропкой, перебарываясь через неглубокий овражек. Я свернул с дороги и, ухватив по колена, кое-как добрался до овражка. Противоположный склон, по-был испещрен крупными лунками, будто его истоптали кони, а на дне овражка пенялся и бурлил ручей, вращая плитки льдистого сала.

Принюхав мне снова выбраться на дорогу. Раздвинув скользкие кусты, обдавие меня потоком холодных брызг, я шагнул на закрывающую дорогу и сразу увидел солдат и его спутницу. Девушка стояла, прижавшись спиной к стволу березы, потупив голову, а солдат, коротко рубя воздух ребром ладони, в чем-то убеждал ее. Она ничего не отвечала, только изредка отрицательно встряхивала головой. Он наступал на нее, отставая свое, и девушка все теснее вжималась в ствол, словно хотела слиться с ним, исчезнуть в его сорочий пестроте.

Не знаю, чего хотел от нее солдат, знаю только, что не о первом, да и не о втором поцелуе просил он ее. Вся лирика, вся нежность, строго ограниченная сроком увольнительной, творится у нас на мосту через реку. Знакомство, как правило, завязывается в воинском клубе, где через день показывают кинокартины, а по субботам бьются танцы. Если найден общий язык, то средоточием вселенной становится небольшая деревянный мосток через темную, мутную реку, которой отходы текстильной фабрики не дают замерзнуть даже в самые лютые морозы. Сколько раз, возвращаясь вечером автобусом из Москвы, я видел в лучах фар молчаливо прижимающиеся к перилам мостка фигуры. Первое время я поспешно отворачивался, боясь спугнуть людей, но потом понял, что это лишнее. Они не обращали ни малейшего внимания на проезжих и прохожих. Истинно регламентированное солдатское счастье не могло считаться с пустыми условностями. Крепче обнять, жарче поцеловать подругу, поозвещнее шепнуть слово в скучные часы свидания — одно лишь это заболитло их. Я не видел там несчастных влюбленных, разоборенных недоговоренностью или несладкой в чувстве. Мост был для счастливых, для тех, кто познал взаимность. И теперь я твердо знал, что видел на мосту и этого худенького солдата с острыми мальчишескими плечами и его крошечную подругу.

Я знал, что у солдат, стоявших лагерем близ нашего поселка, скоро кончатся срок действительной службы и воинская часть отбывает в Москву. Несомненно, напряженное, трудное объяснение, свидетелем которого я случайно оказался, связано с предстоящей разлукой. Ст-

нечно, можно лишь гадать, о чем они говорили. Быть может, он просил ее последовать за ним или приехать к нему, когда он обесчует в родных местах, быть может, предлагал сейчас связать судьбы, а может, напротив, — просил ждать и верить, что он сам вернется к ней. Не знаю. Разговор шел о важном и непростом. Девушка то ли не верила, то ли боялась поверить солдату, то ли не решалась изменить свою жизнь ради человека, и близкого, и дорогого, но все же мало испытанного временем.

— Да пойми ж ты! — только и услышал я его тоскливый, из сердца, из средоточия боли идущий голос.

Я хотел неприметно проскользнуть мимо, но мне это не удалось. Негодующий взгляд солдата резалу по моему лицу и вновь обратился к девушке.

Я быстро шагнул вперед, по опушке, светлеющей затаным солнцем. У подножия тощих кустов боярышника в лыдистой лунке что-то синело. «Неужто подснежник?» — подумал я. Но, приблизившись, увидел, что это всего-навсего конфетная обертка, прилежавшая к земле. А вот на соседней кочке, уже без обмана, желтый язычок пламени распустился первый цветок мать-и-мачехи.

Легкие, чвающие шаги раздалися за моей спиной, и мимо меня, отворотив заплаканное лицо, быстро прошла девушка. Вслед затем поспышались другие, более твердые и тоже быстрые шаги. — прерывисто дыша и дергая носом, солдат нагнал ее, взяв под руку и отвел с дороги к высокому, голому чуть не до самой маковки стволу сосны.

«Вот он я — весь перед тобой, нараспашку, нет у меня ничего потайного, ничего скрытого от тебя!» — казалось, говорили его руки, которые он враз прижимал к груди, то широко и бессильно раскидывая.

Она робко, ницце, жадно скидывала тяжелые слез глаза, глядела в него, как в ручей, прозрачный до самого дна, но слабой своей душой не решалась поверить этой яркой ей ясности и вновь, отвернувшись, плакала. А затем, так и не произнеся ни слова, как-то скользя в сторону и повлеклась прочь, вдоль дороги. Казалось, ноги сами уносили ее от судьбы, которой она желала и страшилась, к привычному ее приюту, вдалеке от больших, открытых путей жизни.

Он нагнал ее на опушке. Дальше до самого Борюнова, черневшего вдаль, в низине, коньками тесовых крыш, простиралось пустое поле в освещен, плотном снеге и ржавых проталинах. Там не было ни деревьев, ни кустина, никакая жердина не торчала из земли. Чистая, неприютная голызна. И мне подумалось: если солдат не добьется желанного ответа сейчас, пока они еще не вышли из лесу, песенка его спета. Возможно, это чувство возникло оттого, что в надежной близости деревьев находились они пристанище для коротких и напряженных своих объяснений. В поле негде было сделать остановку, не за что зацепиться; прямая глинистая дорога, бегущая по равнине, была безнадёжна, как приговор.

Кажется, я не ошибся. Пройдя несколько шагов вперед, я увидел, как девушка в резком, последнем порыве прижалась к солдату, прильнула к нему всем телом, оттолкнула и почти бегом устремилась в шепачную пустоту поля.

Солдат недвижно глядел ей вслед. Знать, и он понял, что это конец. И тут, не стыдясь, что его видит, он заплакал, прижавшись лбом к мокрому стволу сосны. Ушанка сползла на затылок, обнажив светлую щетинку стриженных под машинку, начинающих отрастать волос. Он узнал всю тяжесть слов, понял, что не победит ему робкого сердца, и смирился с горькой своей участью.

Взволнованный всем виденным, я свернул на тропу, петляющую краем леса до самого орешника. Над Борюновом садилось солнце, круглое, малиново-розовое, не дававшее отблеска ни в мутноватую облачность неба, ни на темнеющую под ним землю. Вирпиряжуху, с кочки на кочку, через омутистой глубины лужи и пенистые ручьи, я добрался, наконец, до орешника и стал нарезать удилища. Орешник мстил за себя, окутывая меня с головы до ног скопленной в ветвях щемяще-студеной влагой. Срезав около десятка гибких лесовин и очистив от веточек и сучков, я закинул их на плечо и пустился в обратный путь. Но теперь я решил выбраться на большак.

Выжимая чайного цвета влагу из податливо мнущейся дерюжки, я пересек ореховый подлесок, затем жирную напыню, по которой бродили рано прилетевшие в нынешнюю весну грачи, и спустил на дорогу.

Солнце скрылось за горизонтом, и западная сторона простора и неба сумрачно потемнела. Зато противоположная высветлилась почти дневной, прозрачной, с легким зеленоватым отливом голубиной, над лесом поднялась золотая, неправдоподобно круглая луна и побела наперез мне, целясь за верхушки сосен и рослых плакучих берез.

здесь, у этой сосенки, как у последнего рубежа, солдат вновь нагнал свою спутницу, теперь уже навсего. Они обменялись местами: сейчас он стоял, прислонившись к дереву, — толстый стволник погнул под упором его тела, ветки с темными иголочками охватывали его со всех сторон, торчали из-за плеч, топорились под ушанкой. Девушка стояла на краю дороги и заботливыми, хозяйскими жемами поправляла на солдате то прыжку ремня, то крочки шинели, говорила какие-то простые и серьезные житейские вещи. Это чувствовалось по ее озобаченному, но не тревожному лицу, по взаумляющим движением указательного пальца, остро натянувшего варежку. Она вступила в свои права, которые этот упорный, не признающий отступления парень заставил ее принять.

Когда я проходил мимо, что то мелькнуло в глазах солдата, — быть может, на миг сместившаяся в мою сторону, плоскости зрачков отрастил свет луны. И этот короткий, теплый лучик, пробегавший от него ко мне, словно сделал меня соучастником его счастливого торжества.

С радостным чувством вступил я в лес и знакомой дорогой зашагал к дому. Луна не отставала, бегала за деревьями, она словно отсчитывала стволы берез и сосен и вдруг за поворотом дороги высветилась прямо передо мной и замерла в недвижности, светлая и такая же по-весеннему новая. И я пошел прямо на ее свет, думая о том милым и добром, что только что свершилось в лесу.

Признаться, недоценил я поначалу этого упорного, стойкого солдатика. Ведь как же часто бывает в жизни, когда один шаг отделяет тебя от счастья, и ты, прошедший длинный и трудный путь, вдруг не находишь в себе мужества, убежденности, веры, чтоб сделать его, и вы пускаешь свою судьбу. А он был не танов, солдат, в нем хватало и силы, и преданности, и душевной щедрости, чтобы сделать этот шаг и встать в ряд с остальными, и брать свое счастье!..

Рис. Ю. Цешевского

